
УДК 94(6)“1918/...”
ББК 63.3(6)6
И 24

А.С. Иващенко,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772)57-55-96

**Причины и последствия социальных потрясений
в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки
(конец первого — начало второго десятилетия XXI в.)
(Рецензирована)**

Аннотация. Цель статьи: вскрыть объективные и субъективные предпосылки социальных волнений в арабских государствах североафриканского и ближневосточного регионов в начале XXI в. и их социально-экономические и политические последствия. Объект исследования: социальные процессы в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Предмет: причины и последствия социальных волнений в государствах Ближнего Востока и Северной Африки в начале XXI в.

Ключевые слова: «арабская весна», причины, последствия, исламисты, Ближний Восток, Северная Африка, страны Запада.

A.S. Ivashchenko,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of General History Department, Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8(8772)57-55-96

**The reasons and consequences of social shocks
in the Arab countries of the Middle East
and North Africa (the end of the first — the beginning
of the second decade of the 21st century)**

Abstract. The purpose of this work is to disclose objective and subjective preconditions of social disturbances in the Arab states of the North African and Middle Eastern regions at the beginning of the 21st century and their social and economic and political consequences. The paper discusses social processes in the countries of North Africa and the Middle East, as well as shows the reasons and consequences of social disturbances in the states of the Middle East and North Africa at the beginning of the 21st century.

Keywords: “the Arab spring”, reasons, consequences, Islamists, Middle East, North Africa, West countries.

Историки и философы, политологи и экономисты, а также социологи пытаются выяснить глубинные причины социального взрыва и их последствия в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в конце первого — начале второго десятилетия XXI в.

Факторов социальных волнений на арабском Востоке довольно много. Они носят как объективный, так и субъективный характер. В основе социальных революций лежат, главным образом,

внутренние факторы, хотя не обошлось и без внешних предпосылок. Глубинные причины революционных потрясений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки кроются в кризисе модели ограниченной модернизации, которая обусловила диспропорциональное, экстенсивное и замедленное развитие региона [1]. Регион арабских стран далеко не всегда отставал от государств Запада и азиатских стран Восточной и Юго-Восточной Азии в своём развитии.

Правда, те времена были достаточно давно, в IX-X вв.

Причины отставания арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в социально-экономическом и политическом развитии от государств Запада, а также стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а по многим параметрам от государств Южной Азии, Латинской Америки и даже стран Африки южнее пустыни Сахара, которые привели к социальным потрясениям, можно условно сгруппировать для удобства анализа в три блока: экономические, социальные и политические.

К экономическому блоку причин относится чрезмерное вторжение государства в экономику арабских стран. Так, например, доля государственных расходов в ВВП арабских стран в начале XXI в. достигла 38%. Это в полтора раза выше, чем в других развивающихся государствах.

Торможение процесса реформ консервативными и авторитарными режимами являлось ещё одной причиной социальных потрясений в ряде арабских стран в начале XXI в. По рейтингу лёгкости ведения бизнеса и индексу экономической свободы большинство арабских стран в 2011 г. располагались в нижней трети списка всех государств мира. Более того, по индексу эффективности действий государства и действенности государственного регулирования к концу XX в. арабские страны почти втрое отставали от среднего показателя по другим развивающимся государствам.

Непрозрачность банковской системы, которая к тому же жёстко контролируется государством, также является ещё одним негативным фактором развития экономики арабских стран. Арабские банки в условиях ограниченной конкуренции, неразвитости соответствующего законодательства и инфраструктуры специализируются в основном на краткосрочных операциях и мало финансируют долгосрочные проекты.

Не содействует развитию экономики в арабских странах и более низкий показатель юридической защищённости заёмщиков и кредиторов. Этот

показатель в два раза ниже, чем в других развивающихся государствах.

Низкие темпы роста экспорта арабских стран, за последние 30 лет, также не придают динамизма экономическому развитию. Они в полтора раза ниже, чем в целом по группе развивающихся государств. Причём доля экспорта готовых изделий за последние 50 лет повысилась мало и достигла всего лишь 11% в 2008 г. В то время как в целом по развивающимся странам она составляет до 60%.

Крайне невысокий процент в экспорте высокотехнологичной продукции из арабских государств является несомненным индикатором их относительной отсталости. В 2008 г. по арабским государствам он составлял всего 2%, в то время как в целом по развивающимся странам он достиг 22%.

Как итог двух последних причин — среднегодовой прирост подушевого ВВП в арабских государствах сократился с 3,6% в 1980 г. до 0,7% в начале XXI в. Для сравнения — в целом по развивающимся странам прирост ВВП в начале XXI в. составил 3,1%.

К социальной группе причин относятся очень высокие среднегодовые темпы прироста численности населения в арабских странах. Они за последние годы не изменились и достигают до 2,7% в год. В то время как в целом в развивающихся государствах они сократились на 25% и достигли всего лишь 1,7% в год. Таким образом, тот скромный прирост ВВП, который имеют арабские страны, съедается быстро растущим населением [2]. Замедляет социально-экономическое развитие арабских стран и доля занятых в структуре взрослого населения, которая весьма невелика: в 2008 г. лишь 46% населения. В то время как даже в государствах Южной Азии и Латинской Америки эта цифра достигает 61%, не говоря уж о развивающихся странах Восточной Азии, где 69% населения являются занятыми.

Доля занятых среди молодёжи в арабских государствах ещё меньше. В 2008 г. всего лишь 29%. Это меньше даже, чем в государствах Южной Азии

и Латинской Америки, где доля занятых составляет 45%.

Не добавляет оптимизма относительно настоящего и будущего социально-экономического развития арабских стран и уровень грамотности среди взрослых женщин. 40% из них являются неграмотными. Для начала XXI в. этот показатель является просто катастрофическим.

Ситуацию усугубляет и то, что по ряду социально-культурных причин женщины в арабских государствах мало вовлечены в общественное производство.

Серьёзное недовольство «арабской улицы» вызывал высокий уровень безработицы. Она за последние 30 лет возросла в арабских странах в 1,5 раза — с 10% в конце 70-х гг. XX в. до 14% в начале XXI в. Безработица среди молодёжи достигает ещё большей цифры — 25%. Безработица затрагивает не только беднейшие слои населения, но и молодёжь с высшим образованием [3].

Дестабилизирующим фактором развития арабского социума являлся существенно выросший удельный вес бедного населения в начале XXI в. Он достиг цифры в 40%, в том числе в Египте — 43%, а в Йемене — 60%.

Не способствовал стабильной социально-экономической ситуации в арабском мире значительный разрыв в среднедушевых доходах между самой богатой и самой бедной страной: если в 1960г. он составлял 1 к 62, то в 2010г. достиг соотношения 1 к 242. Пример: разрыв в доходах между гражданами Сомали и Катар. Разрыв среднедушевого дохода государств-членов европейского сообщества составляет 1 к 10.

Доверие к власти подрывал и высокий уровень коррумпированности чиновников государственного аппарата, в том числе и первых лиц государства. Так, если про первого президента Туниса Х. Бургибу говорили, что он ушёл со своего поста с 30 долларами на банковском счету, то отличительной чертой правления президента Туниса Бен Али был явный и откровенный расцвет коррупции и семейственности. Особую ненависть населения вызывала семья

второй жены президента — клан Трабелси, который захватил ключевые позиции в банковском секторе, сфере недвижимости, торговле, туристическом бизнесе. То же самое можно сказать о семьях бывших президентов Египта, Ливии, Йемена.

В арабских странах отсутствуют так называемые «социальные лифты». Правители находятся у власти очень долго, извлекая ренту из своих полномочий и обрастая клиентами. Так, лидер Ливии М. Каддафи находился у власти 42 года, руководители Египта и Йемена — Х. Мубарак и А.-А. Салех соответственно — по 30 лет, президенты Сирии Х. Асад и его сын Башар — 30 и 11 лет, глава Туниса Бен Али — 23 года. К тому же Х.Мубарак и М.Каддафи, по примеру Х.Асада, готовили в преемники своих сыновей [4]. И это при том, что в Йемене, Сирии, Тунисе и Египте существует республиканская форма правления, предполагающая периодическую выборность и сменяемость власти. За всю пятидесятилетнюю историю Египта только два фараона (Рамсес II и Тутмос III, а также папа Мухаммед Али) находились у власти больше времени, чем Х. Мубарак. Соответственно: 66 лет, 54 и 44 года.

Арабские страны недостаточно внимания уделяют развитию человеческого фактора и науки. В начале XXI в. расходы на развитие человеческого фактора и науку в арабских государствах ниже, чем даже в странах Латинской Америки.

Арабские государства отстают от других развивающихся стран также по расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, которые составили всего 0,3% ВВП, в то время как даже в государствах Африки южнее Сахары эта цифра достигает 0,4%. К примеру, в России на НИОКР тратится 1,1% ВВП, а больше всего денег на эти цели выделяется в Израиле — 4,75% ВВП.

По количеству учёных, научных статей и патентов на 1 млн. чел. арабские страны в 4 раза отстают в среднем от развивающихся государств Восточной Азии.

По рейтингу развития демократии в мире на 2010 г. 90% от числа всех арабских стран находятся в нижней трети списка. Этот внутренний фактор относится к политическому блоку причин «арабских революций». Так, в Тунисе политический произвол и ограничение властями свободы средств массовой информации способствовали распространению идей исламского фундаментализма не только среди беднейших слоёв, но и части среднего класса. Авторитарно-полицейский режим жестоко подавлял оппозицию, особенно мусульманских экстремистов, запрещал деятельность исламистских партий. Это вызывало симпатии к Бен Али со стороны США и Франции и их готовность углублять с ним сотрудничество, но часть общества видела в исламистах жертв и врагов ненавистного строя.

Социальный взрыв произошёл как раз в тех арабских странах, в которых показатель подотчётности властей и соблюдения прав человека был ниже среднего в арабском мире. Это Йемен, Египет, Тунис, Сирия, Ливия. Причём в Ливии этот коэффициент был почти нулевой, из 4 единиц он равен 0,1 единицы [5].

К категории внешних факторов, которые оказали непосредственное влияние на возникновение социальных волнений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, можно с полным правом отнести последствия мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008г.

Социальный протест в арабских странах подпитывала целенаправленная американская и в целом западная пропаганда. Особенно после успеха некоторых «цветных революций» на постсоветском пространстве. Взамен прежних лозунгов организации «Братья-мусульмане»: «Ислам — вот решение», «Коран — наша конституция», распространённых в арабских странах, западными государствами были вброшены новые лозунги: «Демократия — вот решение», «Права человека — вот лозунг борьбы», «Свобода — вот цель». Свою роль в этом сыграл

американский Национальный фонд демократии (НФД), неправительственные организации. Так, созданный конгрессом США один только НФД в 2009 г. финансировал 23 египетские, 13 йеменских, по три тунисских, сирийских и ливийских неправительственных организаций. Работа этих организаций шла в основном с молодёжной аудиторией по разным направлениям продвижения демократии и создания гражданского общества. Так, в 2006-2008 гг. США выделили на цели продвижения демократии в Египте 51 млн. долл., в 2009 г. — 20 млн. долл., на 2010-2011 гг. планировалось выделить 25 млн. долл. Целевые гранты предполагали, в частности, обучение методам мобилизации масс, ведение разъяснительной и пропагандистской работы, создание Интернет-СМИ и вэб-сайтов, обучение методам обхода цензуры, защиты от противодействия распространению информации по Интернету [6].

Противоречия между процессами глобализации в их западном варианте и традиционными парадигмами исламской цивилизации безусловно также являлись важной причиной социальных потрясений в арабских странах. Их причудливое взаимодействие, которое проявляется как в противоборстве, так и симбиозе, соперничестве и взаимной адаптации. Ускорившиеся и усилившиеся процессы глобализации самым жёстким образом втягивали арабские страны в орбиту всестороннего воздействия на них Запада по линиям международной торговли, регулирования механизмов экспорта-импорта, навязывания западных стандартов во всём — от принципов морали до формы одежды — в сфере науки, культуры, техники, искусства. В сочетании с ранее проведёнными реформами это имело не только негативные, но и позитивные последствия, дав стимул индустриализации, развитию аграрной сферы, повышению грамотности населения, количественному и качественному росту средних слоёв, особенно интеллигенции, госслужащих, студенчества, офицерства, технических

и иных специалистов. С другой стороны, всемирность экономических, технологических, культурных и прочих связей, опутывающих «глобализируемый» социум, переживается им крайне болезненно, так как ведёт в той или иной форме к ломке его структур, перестройке (подчас — коренной и грубой, осуществляемой без учёта местной специфики) общественных механизмов и связей между людьми. Практически всюду на Востоке, арабском в первую очередь, следствием этого являются рост обнищания не успевающих приспособиться к «накату» глобализации традиционных мелких, а иногда и крупных производителей города и деревни, ускорение темпов их разорения и превращения в социальных маргиналов. Более половины из них навсегда остаются в этом качестве, образуя постоянно растущий и социально взрывоопасный компонент общества. Никакие блага глобализации на этих людей не распространяются [7].

Помимо общих базовых причин социальных потрясений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, которые в различной степени проявились в них, был и ряд факторов, характерных лишь для отдельных государств. Так, в Йемене и в Ливии одной из причин гражданских войн был племенной фактор. В частности, в Ливии, состоящей из трёх провинций — Триполитании, Киренаики и Феццана живут свои племена. М.Каддафи финансировал, в первую очередь, Триполитанию — откуда он был родом, в ущерб Киренаике. Это вызывало скрытое недовольство её жителей. Административный центр Киренаики — Бенгази не случайно стал центром оппозиции режиму М.Каддафи [8].

В Сирии же одной из причин гражданской войны является конфессиональный фактор. Клан Асадов принадлежит к алавитам, т.е. к ветви шиитского ислама. Алавиты занимают ключевые позиции во власти и в бизнесе, хотя они составляют не более 13% от всего населения страны. В то время как процент проживающих в Сирии суннитов достигает 73. Такая ситуация,

сложившаяся в Сирии, естественно, не устраивает суннитов.

Одной из предпосылок социальных волнений в Тунисе было недовольство среднего класса этой страны ухудшением своего материального положения вследствие мирового экономического кризиса. Средний класс Туниса весьма значителен по меркам развивающегося государства и насчитывает более 70% населения. Как часто бывает, при первых признаках существенного ухудшения своего положения он поднялся против собственного правительства.

Специфической причиной социальных волнений в Египте было наличие огромного количества молодёжи, недовольной своим положением, в частности, из-за невозможности найти себе работу. Причём 43% египетских безработных имели высшее образование. Накануне египетской революции в стране было 2,5 млн. безработных, один миллион из них составляли молодые люди от 20 до 24 лет. Такое значительное количество молодёжи в Египте к 2010-2011 гг. объясняется наличием такого феномена в этой стране как «молодёжный бугор». Если не погружаться в детализацию обстоятельств возникновения этого явления, то его можно кратко объяснить следующим образом. В 1975-1990 гг. в Египте были предприняты эффективные меры по снижению младенческой и детской смертности. А это привело к тому, что за последние 20 лет численность египтян в возрасте от 20 до 24 лет почти удвоилась. Как, не без оснований, отмечает Дж. Голдстоун, быстрый рост удельного веса молодёжи в обществе может порождать нестабильность. Большие страты молодёжи зачастую привлекают новые идеи или ортодоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же, поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств перед семьёй и в плане карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах [9]. Что в сущности и произошло в Египте.

Со времени окончания социальных потрясений в арабских странах Север-

ной Африки прошло от 2,5 (Тунис, Египет) до 2 лет (Ливия). Срок для глубоких исторических и философских обобщений о событиях в этих странах пока ещё недостаточный. Однако для экономистов, политологов и политиков, которые ориентируются на оперативную информацию и аналитику, период времени в два года вполне достаточен для того, чтобы сделать некоторые выводы по последствиям социального взрыва в североафриканском регионе. С уверенностью можно констатировать, что социальные волнения в странах Северной Африки резко негативно отразились на развитии их экономики, хотя и не в равной степени. Так, если в более модернизированном Тунисе рост ВВП в 2011 г. в сравнении с 2010 г. сократился на 4%, с +3 до -1, то в Египте падение валового внутреннего продукта в те же годы было более ощутимым — с +5 до -3%. ВВП ливийской экономики, по данным на февраль 2012 г., уменьшился более чем в два раза.

Отрицательным экономическим последствием социальных потрясений во всех трёх североафриканских странах был рост инфляции. По оценкам МВФ в Ливии она достигла 40%, в Египте-12, а в Тунисе-6% в год.

Обесценивание денег, в свою очередь, привело к тому, что, например, египтяне стали меньше помещать денег на депозиты. Банки же, лишённые притока денег и напуганные возросшими рисками, стали выдавать кредиты под более высокий процент. Как результат — высокие проценты по кредитам стали неподъёмными для большинства египетских предпринимателей. Хотя желающих сейчас расширять свой бизнес за счёт новых инвестиций в Египте не так много.

Социальная нестабильность в североафриканских государствах существенно уменьшила прямые иностранные инвестиции. Так, в Тунисе они сократились на 25%. В 2011 г. из Туниса ушли 120 иностранных компаний, а это привело к исчезновению 40 тыс. рабочих мест. Самое резкое падение зафиксировано в Египте с 2010 по 2011гг.: с 6,4 млрд. долл. до 0,5 млрд.

долл. В Ливии результаты ещё более впечатляющие — с 3,8 млрд. долл. почти до нуля [10].

Социальные потрясения в странах Северной Африки привели к существенному сокращению их валютных резервов. Например, валютные запасы Египта на начало 2011г. составляли 36 млрд. долл. Однако после свержения президента Египта Х. Мубарака они стали сокращаться с возрастающей скоростью — в течение первого полугодия на 1 млрд. долл. ежемесячно, а к концу 2011 г. ежемесячные расходы валютных запасов удвоились. К январю 2012 г. валютные резервы Египта сократились до 15 млрд. долл.

Социальный взрыв в североафриканских государствах негативно отразился и на фондовых рынках. Так, индекс египетского фондового рынка с начала 2011г. упал почти на 48%, потеряв 32 млрд. долл. Египетский фондовый рынок стал самым обесценившимся в мире после Греции.

Растёт в странах Северной Африки и дефицит госбюджета. В том же Египте в 2012 г. финансовом году он составил 9% против 8,1% годом ранее. По свидетельству тунисских и египетских предпринимателей бизнес-климат ухудшился во всех трёх североафриканских государствах после социальных потрясений в них. Перманентные забастовки как в Тунисе, так и особенно в Египте, парализовали нормальный ход производственной деятельности. Работники повсеместно требуют повышения заработной платы.

Результатом социальных взрывов в Тунисе, Египте и в Ливии стал активный передел собственности, находившейся ранее в руках кланов свергнутых правителей. В Тунисе интенсивно идёт передел сетей розничной торговли, в Ливии разгорелась борьба между компаниями-операторами сотовой связи (нефтяная отрасль в настоящий момент пока восстанавливается), в Египте делятся торговые и транспортные компании, а также предприятия сервиса. Во всех трёх странах полным ходом происходит процесс перераспределения элитной недвижимости.

Социальные потрясения в государствах Северной Африки оказали резко негативное влияние на развитие туристической отрасли. И действительно, в Египте до свержения режима Х. Мубарака на долю доходов от туризма приходилось 12% ВВП. Уже в 2011 г. туристический сектор Египта недосчитался 3 млрд. долл., а ведь в него вовлечено около 10% из 85 млн. человек населения страны.

Не способствуют восстановлению туристической отрасли Египта и радикальные заявления генерального секретаря египетской Партии свободы и справедливости (ПСС) Мохамеда Саада аль-Кататни. Он, в частности, сказал после победы на парламентских выборах его партии осенью 2011 г.: «Пляжный туризм должен принять во внимание ценности и нормы нашего общества» [11]. Партия, по его мнению, намерена добиваться запрета на бикини и алкоголь. Это заявление вызвало резкую реакцию со стороны египетских и иностранных туроператоров. Не менее тревожная ситуация с развитием туристической отрасли обстоит и в Тунисе. Так, если в 2010 г. Тунис посетило 7 млн. туристов, то в 2011г. — лишь 4,7 млн. Доходы от туристической отрасли сократились до 50%. Новые власти Туниса после победы на парламентских выборах заявили, что не будут запрещать продажу алкоголя в крупных отелях и ношение бикини на принадлежащих отелям огороженных пляжах. Однако излюбленное немками и голландками «топлесс» — загорание, которое прежние власти особо не преследовали, теперь исключено.

Социальные волнения в Египте в начале 2011г. и отстранение Х. Мубарака от власти в целом ослабили правопорядок в стране. Это, в частности, проявилось в беспрецедентном для Египта росте преступлений и насилия в отношении иностранных туристов. И если раньше иностранные туристы гибли в основном по вине лихих водителей автобусов, то теперь всё чаще поступают сообщения о грабежах и перестрелках с человеческими жертвами в самых притягательных пляжных курортах

страны — Шарм-эль-Шейхе и Хургаде. Подобного рода эксцессы привели к резкому сокращению притока туристов в Египет из ФРГ, Австрии, Италии, Швейцарии, скандинавских стран.

Социальные потрясения в Тунисе и в Ливии 2010-2011 гг. нарушили тесные и взаимовыгодные экономические и социальные контакты между двумя странами. Так, товарооборот между Тунисом и Ливией составлял до 2011 г. 2 млрд. долл. в год. Около 800 тыс. ливийцев лечились в Тунисе ежегодно, в свою очередь, около 200 тыс. тунисцев работали в Ливии.

Арабские революции в странах Северной Африки во многом парализовали работу государственного аппарата. Так, например, госслужащие требуют не только повышения зарплаты, но и увольнения назначенных при прежних режимах руководителей, чьи места они не прочь занять сами. Старые начальники же в страхе перед вероятным увольнением стараются не принимать ответственных решений, дабы избежать обвинений в махинациях и коррупции.

Социальные волнения в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2010-2011 гг. имели своим результатом возникновение такой проблемы, как беженцы. Первая группа беженцев в 25 тыс. человек прибыла из Туниса на итальянский остров Лампедуза, с намерением в дальнейшем перебраться во Францию. Этот факт весьма обеспокоил не только Италию и Францию, но и все европейские страны. Однако куда серьезней стал исход беженцев из Ливии. С началом конфликта в Ливии с февраля по ноябрь 2011г. из страны уехало более 850 тыс. чел. [12]. Люди бежали из Ливии по причинам не только развернувшихся там военных действий, политической и экономической нестабильности, но и в силу политики оппозиционных М. Каддафи сил по отношению к чернокожим африканцам, которые там работали. Лидеры ливийской оппозиции объявили чернокожих африканцев «наёмниками Каддафи» и всячески подогревали ксенофобские настроения среди своих сторонников. Как результат многие

чернокожие африканцы стали перебираться в Египет, Тунис, Алжир, Нигер, Чад, Судан, в Италию и на Мальту. Такой исход чернокожих беженцев из Ливии имел и ещё одно негативное последствие для тех африканских государств, откуда они прибыли. Эти государства лишились денежных переводов чернокожих африканцев своим родственникам, которые ежегодно достигали 6 млрд. долл.

Одним из важных политических последствий социального взрыва в странах Северной Африки является приход к власти, в частности, в Египте и в Тунисе исламистских сил. После победы на парламентских выборах тунисские и египетские исламисты заявили о приверженности в области внутренней политики принципам демократии. Однако настораживает то, что помимо умеренных исламистов, в Тунисе в лице партии «Ан-Нахда», а в Египте — ПСС (политическом крыле организации «Братья — мусульмане» — прим. авт.), места в парламенте получили и довольно активные салафиты. Соединённые Штаты Америки и особенно Израиль беспокоят заявления некоторых египетских представителей организации «Братья-мусульмане» о необходимости пересмотра некоторых статей Кемп-Дэвидских соглашений, заключённых в 1979 г. между Египтом и еврейским государством. Однако в официальном заявлении организации «Братья-мусульмане» подчёркивалось, что Египет «уважает подписанные договоры и соглашения». Российский исследователь А.М. Васильев, не без оснований полагает, что в настоящий момент главной задачей «Братев-мусульман» является стремление укрепить свои позиции во власти и не портить свои отношения с США и Израилем. К тому же

Вашингтон выдвинул Египту жёсткие условия по предоставлению помощи в объёме 1, 550 млрд. долл.: сохранение мирного договора между Египтом и Израилем от 1979 г.; передача власти гражданскому правительству, которое будет защищать права человека и свободу слова и вероисповедания [13].

Таким образом, причины социальных волнений в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока в начале XXI в. кроются в многочисленных факторах как внутреннего, так и внешнего порядка. На острые внутренние социально — экономические и политические проблемы, которые не удалось решить в постколониальный период, наложились внешние факторы в виде последствий мирового экономического кризиса 2008-2013 гг. и противоречивых процессов глобализации. На наш взгляд, роль внешнего фактора в формировании объективных предпосылок социальных потрясений в арабских государствах была минимальна, а вот субъективных — достаточно значима.

Последствия арабских революций в настоящее время представляются в большей степени как негативные не только в экономической, социальной, но и в политической сферах. Как показывают июльские события 2013 г. в Египте, постреволюционного консенсуса между основными политическими силами в этой стране так и не наступило. Есть, правда, надежда на то, что авторитарные лидеры, длительное время пребывающие у власти не только в арабских, но и в целом в других государствах третьего мира, извлекут уроки из арабских революций и будут проводить периодическую ротацию политических элит «сверху», не дожидаясь проведения этого процесса своими гражданами «снизу».

Примечания:

1. Мельянцев В.А. Арабские страны: кризис модели развития // Азия и Африка сегодня. 2012. №5. С. 17.
2. Васильев А.М. Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня. 2011. №6. С.2.
3. Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. №3. С.2.
4. Кива А.В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. №5. С. 125.
5. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980-е-2000-е годы). М.: Наука, 2009. С. 213.

-
6. Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом (уроки арабских восстаний) // Азия и Африка сегодня. 2011. №12. С. 13.
  7. Саватеев А.Д. «Арабская весна»: симбиоз глобализации и исламских традиций // Азия и Африка сегодня. 2012. №2. С.7; Ланда Р.Г. Арабский мир: конец «эпохи Насера» // Восток. 2012. №6. С.53.
  8. Российская газета. 2012. 6 февраля.
  9. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011года: структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. №7. С.19.
  10. Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. Навстречу «арабской зиме»: формирующиеся политические и экономические тренды в странах Северной Африки // Азия и Африка сегодня. 2012. №6. С.4.
  11. Виницкий Д.И. Египет: холодный экономический душ заливают жар «арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. №3. С.14.
  12. Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. №6. С. 14-15.
  13. Васильев А.М. Египет после выборов // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С.11, 14.

References:

1. Melyantsev V.A. The Arab countries: the crisis of a development model //Asia and Africa today. 2012. No. 5. P. 17.
2. Vasilyev A.M. The tsunami of revolutions doesn't fall down // Asia and Africa today. 2011. No. 6. P. 2.
3. Vasilyev A.M. The tsunami of revolutions // Asia and Africa today. 2011. No. 3. P. 2.
4. Kiva A.V. «The Arab spring»: reasons and probable consequences // Social sciences and the present. 2012. No. 5. P. 125.
5. Melyantsev V.A. Developed and developing countries in the era of changes (a comparative assessment of growth efficiency in the 1980-2000). М.: Nauka, 2009. P. 213.
6. Fituni L.L. The Middle East: technologies of the protest potential control (lessons of the Arab revolts) // Asia and Africa today. 2011. No. 12. P. 13.
7. Savateev A.D. «The Arab spring»: the symbiosis of globalization and Islamic traditions // Asia and Africa today. 2012. No. 2. P. 7; Landa R.G. The Arab world: the end of «Naser's era» // Vostok. 2012. No. 6. P. 53.
8. Rossiiskaya gazeta. 2012. February 6.
9. Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. The Egyptian revolution of 2011: a structural and demographic analysis // Asia and Africa today. 2011. No. 7. P. 19.
10. Fituni L.L., Solodovnikov V.G. In the approach of «the Arab winter»: the political and economic trends being formed in the countries of North Africa // Asia and Africa today. 2012. No. 6. P. 4.
11. Vinitsky D.I. Egypt: the cold economic shower puts out the heat of «the Arab spring» // Asia and Africa today. 2012. No. 3. P. 14.
12. Abramova I.O., Bessonov S.A. «The Arab spring» and across-the-border migration // Asia and Africa today. 2012. No. 6. P. 14-15.
13. Vasilyev A.M. Egypt after elections // Asia and Africa today. 2012. No. 4. P. 11, 14.